

Борис Нестеренко

КАК Я «НАШЁЛ» ТЕСТЯ (Дописывавая Шаламова)

Рассказ

Борис Нестеренко, Новосибирск

Борис Михайлович Нестеренко родился в д.Шагирка Кыштовского района Новосибирской области 22 мая 1951 года. Закончил Свердловское суворовское училище (1970г.). Автор книг: "Кадетская душа"; "Слово верное"; "Всё будет хорошо"; "Тёплый дом" и др. Печатает свои произведения в порталах Стихи.ру, Проза.ру. Член Союза Писателей России.

Я хочу познакомить вас с одним человеком. Это – мой первый тесть Постников Семён Андреевич, царство ему небесное. Родом он откуда-то из Донбасса, из Горловки, из беспризорного детства. Вот и всё, что я знаю о его отрочестве и юности.

Меня познакомила с Семёном Андреевичем его дочь Галина, моя будущая первая жена. Она вместе с папой приехала в Новосибирск после выхода отца на пенсию в Магаданской области. В нашем городе Семёном Андреевичем в предвидении пенсии был заранее прикуплен небольшой домик, в котором они и проживали втроём, вместе с бабушкой Галины по материнской линии, дожидаясь выхода на северную пенсию и приезда мамы, Постниковой Зинаиды Алексеевны. По прибытии которой в Новосибирск и состоялась моя первая в жизни свадьба.

Но, впрочем, речь не о них, не о бабушке, не о моей тёще и не о моей первой и не самой лучшей жене. Продолжим знакомиться с первым в моей жизни тестем, Постниковым Семёном Андреевичем. Мы как-то быстро сблизились с ним душевно. Был он человеком простым, беззлобным и незлопамятным. Высокий, худой, даже тощий, с лицом, обтянутым сухой кожей, из-под которой выпирали острые скулы. Имел впалые щёки вследствие вставной челюсти и небольшой, сломанный в каких-то жизненных передрыгах нос. Вышел он на пенсию с должности завгара, всю жизнь прослужив, по его словам, возле автомобилей.

Приехав в Новосибирск, дома Семён Андреевич не засиделся и устроился в Ленинское отделения Госбанка в отдел Инкассации, где довольно быстро стал старшим смены. Должность по тем временам была не из последних. В пору повсеместного и сплошного товарного дефицита свободный доступ в любой инкассируемый магазин, столовую или ресторан давал немалое разнообразие в ежедневном пищевом рационе и винной, что для нас было важнее, карте. Частенько мы делили с ним на двоих бутылочку портвейна или, что реже, поллитровку водочки, но уже пригласив за компанию соседа Сашу Матвеева. Тёща, Зинаида Алексеевна, конечно, ворчала на нас, но до скандала дела не доводила. Была она женщиной властной, командиршей в семье и диктатором в быту. Помню отчётливо, как она отреагировала однажды на поздний приход Семёна Андреевича с работы. На его попытки объяснить, что, мол, ездили в тир сдавать зачёты по стрельбе, она моментально отреагировала словами: «Что, не настрелялся ещё, стрелок?!...» И пусть это будет первым следом в моих «поисках» тестя.

А что обычно делают русские мужики за бутылочкой? Они, конечно, беседуют за жизнь. И мы беседовали. Меня, как сына фронтовика – орденоносца, интересовал вопрос участия моего тестя во всём этом сумасшествии под названием Вторая мировая война. Ведь возраст у него к тому времени был самый «пушечномясной» - год рождения 1920! Но

единственное, что мне удалось из него вытянуть по этому вопросу, это что в «армию» - я намеренно беру это слово в кавычки – он был призван в возрасте 19-ти лет в 1939 году, в период компании по омоложению её рядов. И всё. Молчок. Больше об этом ни гу-гу. И пусть это будет вторым следом в моих «поисках» тестя.

Так о какой же армии говорил Семён Андреевич? Всю свою сознательную жизнь, я подчёркиваю – всю жизнь от призыва до выхода на пенсию, он провёл в Магаданской области. А если точнее, то на Дальстрое. Не было в те злопамятные времена ни автономных округов в тех краях, ни Якутии, а была провинция Дальстрой империи по имени ГУЛАГ. И «армия» там была соответствующая. Но мой тесть настойчиво умалчивал об этой армии и о том, какими путями он попал на Дальстрой, но топоним этот частенько мелькал в его воспоминаниях. Как и другие местные названия, красивые и звучные. Сусуман, Мяунджа, Аркагала, Кадыкчан, Буркандья, прииск, с которого он вышел на пенсию – всё это посёлки Сусуманского района Магаданской области. И пусть это будет третьим следом в моих «поисках» тестя.

Надо сказать, что в жизни Семён Андреевич был человеком добродушным, я бы сказал даже добрым, отзывчивым и незлопамятным. Находясь под каблуком жены, он все более-менее значимые поступки совершал после неопременного её одобрения. Как-то у Зинаиды Алексеевны возникла необходимость репрессировать кошку, покрывшуюся каким-то лишаём. На мой вопрос, а как же Семён Андреевич, я услышал от тёщи, что он из дому уходит, когда она рубит голову курице. Добрейшей души человек был Семён Андреевич. И каково же было моё удивление, когда его дочь, моя первая жена, по какому-то случаю, уже не помню точно, проболталась мне, что её папа, оказывается, «сидел» после войны, «мотал» срок, и довольно немалый. Я был буквально ошарашен этим фактом, но все мои вопросы по этой теме были оставлены без ответа. Единственное, что я услышал от

жены, это просьбу, не возвращаться к этому вопросу более никогда и ни с кем, потому что эта тема у них в семье запретна. И пусть это будет четвёртым следом в моих «поисках» тестя.

А теперь, заинтересованный, надеюсь, читатель, проведя тебя по следам в моих «поисках» тестя, я хотел бы привести здесь объёмистую цитату из «Колымских рассказов» Варлама Шаламова и завершить эти «поиски» интересным и, желательно, убедительным результатом.

Итак, Варлам Шаламов, сборник «Левый берег», рассказ «Зелёный прокурор».

«Количество «секретов» и «оперпостов» было резко увеличено – охота за беглецами была в полном разгаре. Летучие отряды прочёсывали тайгу и наглухо закрывали «освобождение через зелёного прокурора» - так назывались побег. «Зелёный прокурор» освобождал всё меньше, меньше и, наконец, перестал освобождать совсем.

Пойманных обычно убивали на месте, и немало трупов лежало в морге Аркагалы, ожидая опознания – приезда работников учёта для снятия отпечатков пальцев мертвецов.

А в десяти километрах в лесу от угольной аркагалинской шахты в посёлке Кадыкчан был расположен такой «оперпост», где содаты спали, ели, вообще базировались.

Во главе этого летучего отряда летом сорокового года стоял молодой ефрейтор Постников, человек, в котором была разбужена жажда убийства и который своё дело выполнял с охотой, рвением и страстью. Он лично поймал целых пять беглецов, получил какую-то медаль и, как полагается в таких случаях, некоторую денежную награду. Награда

выдавалась и за мёртвых, и за живых – одинаково, так что доставлять «в целости» пойманного не было никакого смысла.

Постников со своими бойцами бледным августовским утром наткнулся на беглеца, вышедшего к ручью, где была засада.

Постников выстрелил из маузера и убил беглеца. Решено было его не тащить в посёлок и бросить в тайге – следов и рысьих, и медвежьих встречалось здесь много.

Постников взял топор и отрубил обе руки беглеца, чтобы учётная часть могла сделать отпечатки пальцев, положил обе мёртвые кисти в свою сумку и отправился домой – сочинять очередное донесение об удачной охоте.

Это донесение было отправлено в тот же день – один из бойцов понёс пакет, а остальным Постников дал выходной день в честь своего «успеха»...

Ночью «мертвец» встал и, прижимая к груди окровавленные культишки рук, по следам вышел из тайги и кое-как добрался до палатки, где жили рабочие-заключённые. С белым, бескровным лицом, с необычайными синими безумными глазами, он стоял у двери, согнувшись, привалясь к дверной раме, и, глядя исподлобья, что-то мычал. Он трясся в сильнейшем ознобе. Чёрные пятна крови были на телогрейке, брюках, резиновых чунях беглеца. Его напоили горячим супом, закутали какими-то тряпками страшные руки его и повели в медпункт, в амбулаторию. Но уже из избушки, где жил «оперпост», бежали солдаты, бежал сам ефрейтор Постников.

Солдаты повели беглеца куда-то – только не в больницу, не в амбулаторию – и больше о беглеце с отрубленными руками никто ничего не слышал...»

Вот так, идя по малочисленным и малозаметным следам, я «нашёл» своего тестя, Постникова Семёна Андреевича, «нашёл» его у многолетнего

лагерного сидельца и пронзительного русского писателя Шаламова Варлама Тихоновича. Его ефрейтор Постников в сороковом году в Кадыкчане и мой тесть Постников, призванный в 39-м, проживший от призыва до пенсии в Сусуманском районе Колымы и отсидевший солидный срок после низвержения Бериин, - это один и тот же человек. И никто не убедит меня в обратном.

Судьба семьи Семёна Андреевича сложилась незавидным образом. Начну с дочери их Галины. Женою она оказалась меня не устраивающей, мы с нею благополучно развелись в 1979г. и пошли в разные стороны. Нормальной семьи создать ей так и не удалось, помыкалась она по разным мужьям, прижила ещё дочку и умерла довольно нестарая ещё от рака груди. Нашего совместного сына Артёма мне кое-как удалось из этой среды выцарапать и вырастить из него вполне приличного человека.

Старший сын их Андрей оставался на Колыме, женился там, но потом жена его повесилась, и сам он тоже то ли повесился, то ли застрелился, то ли пьяный утонул на рыбалке, и Бог с ним.

Сам Семён Андреевич заканчивал свой путь земной в тоске и мучениях. Что-то там в ногах его приключилось нехорошее с сосудами, и эскулапы советские начали отрезать ему ноги по частям – сначала отняли ступни, потом голени, потом в бёдрах отрезали и, наконец, выстригли всё, что можно было, непосредственно из таза. Вот так, умаляясь на глазах, ушёл из жизни по частям мой первый в жизни тесть Постников Семён Андреевич. И в этом видится какой-то символ...

И, наконец, тёща моя первая, Зинаида Алексеевна. Она пережила всех, кроме меня, разумеется. Она до последних дней сохраняла ясность ума и вполне уважительное ко мне отношение. Случалось, нечасто конечно, но заходила ко мне в гости, вполне приняла мою новую семью, жаловалась на

подростковые выходки Артёма, моего сына и её внука, жившего в то время с ней. Всё, как обычно бывает у нормальных людей, и поэтому слова плохого я о ней не скажу.

Конечно, исходя из всего вышеизложенного, можно было бы сказать, что Бог покарал моего тестя. Но сказать это я не могу, да и не хочу. Кто я такой, чтобы судить о правомерности суда Божьего? Да и «следы», отысканные мной, всё же не тянут на неоспоримые, приемлемые для суда улики. Ведь всё это может быть и совпадением. Хотя я в такие совпадения не верю.

И последний, но очень важный для меня вопрос. Как быть с Артёмом, моим сыном и внуком Семёна Андреевича? Рассказать ли ему о моих изысканиях? Разрушить ли в его душе образ доброго деда, которого он любил больше всех в той семье? Если «да», то ради чего? Только ради сухого принципа – правда любой ценой? Я всё же склоняюсь к мысли ничего Артёму не рассказывать, но не из чувства жалости, а из пожелания, чтобы каждый жил с теми знаниями, которые он приобретёт сам, благодаря своим силам, своему уму и своему желанию. Навязанное знание может оказаться не только вредно, но и вполне губительно.

Как ты ТАМ, Семён Андреевич???

Литературный клуб Исеть

<http://literklubisety.ucoz.com/>

2016